

ТАГАНРОГСКИЕ ЗАМЕТКИ

Л. Никулин

I

Степь чем далее, тем становилась прекраснее! Степь, по которой везли Егорушку в город учиться, степь, по которой носился неуловимей богач Варламов, ехал попик, спекулировавший шерстью, медленно полз обоз и рядом с возами шли возчики, ехала в удобном экипаже графиня Драницкая, и все они вместе были зажаты в крепком кулаке у Варламова. Степь, где мечтали о кладах и счастье чабаны, где жил умный и желчный философ Соломон, которому суждено было прислуживать проезжающим на постоялом дворе, в корчме.

Пыль Донбасса лежала на раскрытой книге Чехова. Она оседала на страницах повести без удивительных событий, необыкновенных происшествий и тем не менее увлекательной и чудесной повести о том, как девятилетнего мальчика Егорушку везли в город, в гимназию. Книга переходила от одного читателя к другому и так как эти читатели были литераторы — они читали чеховскую повесть, задумываясь о прошлом и настоящем, сопоставляя и сравнивая. Они старались в то же время проникнуть в великую мастерскую писателя, понять его приемы и постичь тайну его замечательного мастерства. Они смеялись от восхищения, когда дошли до «трех знакомых бекасов», прилетевших взглянуть, ушли ли люди. Они удивлялись острой наблюдательности Егорушки, девятилетнего мальчика, которую так чудесно передал Чехов. Затем они радовались идейной насыщенности повести, замечательному изображению людей чеховской эпохи.

Если бы эту повесть читал человек в футляре, ограниченный человек, схоласт-критик, он обязательно попробовал бы разнести по полочкам и точно определить социальную сущность каждого персонажа повести «Степь»:

Варламов — представитель крупного капитала.

Графиня Драницкая — представительница разоряющегося дворянства.

Сельский попик — живой пример участия церковников в капиталистической промышленности,

— Дымов, возчик — еще не осознавший себя представитель эксплуатируемых классов.

И так далее в этом роде. Но этот чеховский персонаж, человек в футляре, распределяющий по полочкам и развешивающий по граммам художественное произведение, возможно, пропустил бы мысль Егорушки: «Как скучно и неудобно быть мужиком...»

«Скучно и неудобно быть мужиком» - разве это не пересказ слов об особенностях деревенской жизни?

Разъезд «Марцево». Четыре километра до Таганрога, Еще четверть часа и мы впервые увидим родину Чехова.

II

«...люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любил и не понимал их. Я не понимал, для чего и чем живут все эти шестьдесят пять тысяч людей. Большая Дворянская и еще две улицы почище жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое от казны; но чем жили остальные восемь улиц, которые тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмом, это для меня было всегда неразрешимой загадкой».

Это из повести «Моя жизнь».

Как же живут теперь сто шестьдесят тысяч человек, обитателей города, как живут обитатели восьми улиц, исчезавших за холмом?

Полвека, четверть века назад они жили так:

«... в лавках нам, рабочим, сбывали тухлое мясо, легкую муку, спитой чай, в церкви нас толкала полиция, в больницах обирали фельдшера и сиделки... самый маленький чиновник считал себя вправе обращаться с нами, как с животными, и кричать грубо и нагло: «Обожди! Куда лезешь?» Свои заработанные деньги мы должны были всякий раз выпрашивать, стоя у черного крыльца без шапок».

Вот—правда, несокрушимая правда, которую во все времена умели видеть и говорить только великие писатели.

«... стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра; городская и клубная библиотека посещалась только евреями и подростками, так что журналы и книги, новые книги по месяцам оставались неразрезанными. Богатые и интеллигентные спали в душных, тесных спальнях на деревянных кроватях с клопами, детей держали в отвратительно грязных помещениях, называемых детскими... В скоромные дни в домах пахло борщом, а в постные — осетриной, жареной на подсолнечном масле. Ели невкусно, пили нездоровую воду».

Это все из «Моей жизни». Затем, вот письмо Чехова, которое на торжественном собрании в парке Культуры с волнением и силой читала О. Л. Книппер-Чехова:

... Впечатление Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий сонные дришпаки. И головы дынькой. Все дома приплюснуты, крыши некрашены, ставни затворены. С Полицейской улицы начинается засыхающая, потому вязкая и бугристая грязь, по которой можно ехать только шагом, да и то с опаской... улицы пустынные... Как грязей, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог».

Последняя фраза—настоящая надпись на могиле старого Таганрога, исчерпывающая и убийственная эпитафия. Таким был Таганрог тридцать шесть лет назад, в 1898-м году, когда его в последний раз видел Чехов. И таким он мог быть вплоть до Октября 1917 года.

Ш

Теперь, не распространяясь и избегая легковесной патетики и сентиментальности, расскажем, что мы видели в эти четыре дня, в чеховские юбилейные дни.

Был казенный сад, обнесенный глухой кирпичной оградой, прекрасный тенистый сад, закрытый для народа.

Теперь сквозь легкую решетку вы видите зеленые массивы парка культуры и отдыха. Летний театр — тысяча двести мест, эстрада для симфонического, оркестра, копии статуй античных мастеров.

(«Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра...» А. Чехов «Моя жизнь»).

В городской библиотеке — Музей Чехова, много редких экспонатов, которых не найдешь в Чеховском музее в Москве.

Миллион рублей истрчено Металлургическим заводом на замечательно организованные ясли.

(«Детей держали в отвратительно грязных помещениях, называемых детскими». А. Чехов «Моя жизнь»).

На улицах, в цехах, в театрах, вы видите десятки тысяч улыбающихся, уверенных в себе, радующихся весне и празднику людей.

(«Людей нет, вместо мумий, сонные дришпаки. И головы дынькой...улицы пустынные». А. Чехов. Письма).

Улица Чехова. Тысячи людей запрудили улицу и дворик дома номер 49. Падает полотнище с бюста, установленного во дворе, вблизи маленького убогого домика. «В этом доме 17 января 1860 года родился Антон Павлович Чехов». По гладкой брусчатке мостовой улицы Чехова мимо газонов и акаций бегут автомобили и автобусы.

(«С Полицейской улицы начинается засыхающая, потому вязкая и бугристая грязь, по которой можно ехать только шагом...» А. Чехов. Письма).

И трамвай, в городе, где «некому и некуда было ездить», где от дивана до нужника» шествовал человек в футляре.

Наконец, вода: «В думе, у губернатора, у архиерея, всюду в домах, много лет говорили о том, что у нас в городе нет хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двести тысяч на водопровод: очень богатые люди, которых у нас в городе можно было насчитать десятка три... проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и с азартом говорили о займе, и я не понимал этого; мне, казалось, было бы проще: взять и выложить эти двести тысяч из кармана».

120 лет город страдал от дурной воды. У новых водонапорных башен, в качестве экспоната из музея старого Таганрога, поставлен жалкий колодезь и журавль». На этом экспонате надпись: «Так было».

Еще есть одна заслуга у новых отцов города, у строителей индустриального Таганрога, города металлургической, кожевенной промышленности.

Они сумели юбилей великого писателя, 75-летие со дня рождения Чехова, сделать народным, общественным событием. Из литературного события чеховские дни стали событием всенародным, демонстрацией того львиного прыжка, который совершила вся страна в две пятилетки.

Вот почему наша печать и общественные организации и вся советская страна сосредоточили внимание на новом Таганроге.

Наше время отличается от старого тем, что люди полюбили жизнь и, если они вспоминают о прошлом, то только для того, чтобы добром помянуть великих людей этого прошлого и, наконец, для того, чтобы увидеть, как далеко мы ушли вперед.

ЦГТБ имени А. П. Чехова